

ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ СТИЛИСТИКИ

Н. Р. ГАЛПЕРИН

РЕЧЕВЫЕ СТИЛИ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

Вопросы стилистики в последнее время все больше и больше начинают привлекать к себе внимание лингвистов, интересы которых не ограничиваются проблемами историко-грамматического анализа фактов языка. Однако до сих пор нет более или менее ясного представления о том, что составляет предмет этой науки. Очевидно поэтому некоторые наши лингвисты вообще отрицают существование стилистики. Отрицание стилистики как науки основывается обычно на том, что понятия, которыми оперирует стилистика, якобы не вычлениются из других разделов науки о языке: выразительные средства языка — не предмет стилистики, а предмет грамматики и лексикологии; язык и стиль писателя — это дело литературоведов, для которых язык — «первоэлемент» литературы; что же касается речевых стилей, то, как об этом пишет в своей дискуссионной статье Ю. С. Сорокин, таких вообще не существует¹.

Есть ли необходимость доказывать объективное существование различных стилей языка? Мне кажется, такой необходимости нет. Достаточно даже не искусственному в анализе языковой формы читателю показать образцы делового письма и стихотворного произведения, чтобы он увидел существенные различия в использовании общепародного литературного языка. Дело ведь не в самом термине «стиль языка». Можно условно договориться и о другом термине для обозначения явления, объективно существующего и осознанного коллективом, говорящим на данном языке. А осознанным представляется факт наличия в языках, имеющих длительную историю развития письменной литературы, определенных, более или менее замкнутых систем, отличающихся друг от друга особенностями использования языковых средств. Именно этот системный характер использования языковых средств (под системным характером использования языковых средств понимается их взаимообусловленность и их взаимоотношения внутри данного стиля речи) приводит к тому, что в различных сферах употребления языка нормализуется выбор синтаксических

¹ Исходя из правильного положения о том, что отдельные черты, хотя бы и существенные, не составляют еще стиля речи, Ю. С. Сорокин приходит к отрицанию стилей вообще. В результате анализа небольшого отрывка из научного текста, не сделав даже попытки рассмотреть отдельные черты его языка в их взаимосвязи и взаимообусловленности, Ю. С. Сорокин приходит к выводу об отсутствии стилей языка как особых систем. Его положение о том, что «каждое высказывание..., каждый контекст обладает стилем», перекликается с бюфоновским «стиль — это человек». Понятие языкового стиля, таким образом, растворяется и смешивается с понятием индивидуального стиля. Говоря о факторах, определяющих выбор тех или иных языковых средств, Ю. С. Сорокин совершенно не учитывает соотношения общего и частного. Действительно, выбор средств языкового выражения зависит от конкретного содержания высказывания, от функций, назначения речи. Но отдельные сферы действия языка часто характеризуются общностью цели, содержания, функций. И эта общность создает условия для более или менее четкой нормализации выбора языковых средств.

конструкций, словоупотребление, характер применения образных средств языка и т. д.

Трудность определения различий между речевыми стилями заключается в том, что до настоящего времени еще ни один из них не исследован с точки зрения системности средств языкового выражения. В лингвистической литературе можно найти лишь анализ отдельных разрозненных черт того или иного стиля. Так, например, А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике русского языка»², делая весьма интересные наблюдения над «элементами синтаксиса научной речи», не касается других, не менее существенных языковых черт этого стиля и не характеризует его в целом.

Определение своеобразия речевого стиля по одной или даже нескольким особенностям языкового выражения представляется неправомерным. Такой подход неизбежно приводит к «закреплению» за речевыми стилями отдельных элементов языка³. Но ведь очевидным является тот факт, что те или иные лексические средства, отдельные структурные особенности предложений, образные средства языка и др. не принадлежат к какому-то определенному стилю речи. Нет особого синтаксиса научной речи. Сложные предложения с четко выраженной дифференциацией средств союзного подчинения характерны не только для стиля научной речи, но также и для стиля-официальных документов, и для стиля художественной литературы (ср., например, английские эссе XVIII и XIX в.). Нельзя считать исключительной принадлежностью стиля научной речи и специальную терминологию. Она разнообразно используется и в стилях газетном, деловом, и в художественной прозе⁴. К какому стилю речи принадлежат архаизмы? В английском языке они встречаются в исторических романах как средство стилизации; в ранней романтической поэзии — со специальной эстетической функцией, связанной с мировоззрением поэтов-романтиков; в стиле официальных документов архаизмы являются необходимым средством соотнесения языковой формы документа с языковыми особенностями кодексов и законоуложений; в изустной поэзии они представляют собой традиционный элемент народного творчества и поэтической фразеологии.

То же можно сказать и о других синтаксических и лексических средствах языка. Определить их исключительную принадлежность к тому или иному стилю речи, значит растворить понятие стиля в понятии языка. Это значит прийти к заключению о том, что нет языка вне стиля. Именно такой точки зрения придерживается Э. Г. Ризель, которая выделяет в литературном языке такие стили, как телеграфный, стиль радиовещания, устного официального общения, бытового общения и т. д.⁵ Но ведь таких стилей речи не существует. В самом деле, какая система средств языка характерна для телеграфного стиля? Ее нет. Эллиптичность, связанная с условиями общения, является единственной характерной чертой этого «стиля». Каковы особенности «стиля» радиовещания, отличающие его

² А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., Изд-во АПН РСФСР, 1952.

³ Ср., например, утверждение Р. Г. Пиотровского, что отдельные языковые элементы принадлежат тому или иному языковому стилю (Р. Г. Пиотровский, О некоторых стилистических категориях, «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 59). Ср. также следующее высказывание А. И. Ефимова: «Стили языка (публицистический, научный и т. д.) отличаются друг от друга главным образом по составу слов и выражений» (А. И. Ефимов, Об изучении языка художественных произведений, М., Учпедгиз, 1952, стр. 61).

⁴ Ср., например, использование горнорудной и медицинской терминологии в романе А. Коптяевой «Иван Иванович».

⁵ См. Э. Г. Ризель, Проблема стиля в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания, «Иностр. языки в школе», М., 1952, № 2, стр. 14.

от других стилей речи? При внимательном рассмотрении языковых средств, используемых в радиовещании, можно убедиться в том, что специфических особенностей здесь обнаружить нельзя. Это либо газетная информация, либо научно-популярный очерк, либо публицистическая статья и т. п. При таком неправомерно расширительном толковании стиля речи можно с равным основанием выделить и «стиль языка семейной ссоры», и «стиль языкового общения матери и ребенка» и др. Здесь смешиваются два явления: функционирование языка и стиль языка как общественно осознанная, нормализованная система средств выражения, обусловленная определенными целями общения.

Многообразные формы функционирования языка не всегда создают какую-то определенную систему: они часто определяются условиями общения. Поэтому представляется целесообразным различать особенности средств выражения, связанные с условиями общения, и особенности средств выражения, являющиеся результатом сознательного отбора этих средств для конкретных целей. Так, деление речи на устную и письменную, в основном, связано с условиями, в которых реализуется общение. Например, наличие в английском языке таких сокращенных форм, как *can't, I'll, he's* и др., является следствием убыстренного темпа речи, характерного для условий устного общения. Нет нужды повторять общеизвестные положения о диалогической форме речи, эллиптических оборотах, большей эмоциональной окрашенности устной речи и пр. Важно подчеркнуть, что многие своеобразные черты устной (разговорной) речи определяются непосредственным общением говорящих. Это обстоятельство, несомненно, накладывает свой отпечаток на структурно-грамматические и логические свойства устной (разговорной) речи.

Характер письменной речи также во многом определяется специфическими условиями, в которых протекает общение, — отсутствием собеседника в момент выражения мысли. С этим связана более тщательная обработка речи, стремление компенсировать отсутствие своеобразных средств живой разговорной речи средствами лексическими, синтаксическими, композиционными.

Учитывая различия устной и письменной речи, с одной стороны, и различие между стилями речи, с другой, целесообразно во избежание терминологической путаницы по-разному называть эти явления. Можно условно называть формы речи, связанные с теми или иными конкретными условиями общения, типами речи, а формы речи, представляющие «целесообразно организованные системы средств выражения», — стилями речи. И устный, и письменный типы речи могут в процессе своего развития и совершенствования вырабатывать свои стили, закрепленные общественной практикой. Но наиболее четко выступают стили письменного типа речи. В устном типе речи, пожалуй, только форма изустной поэзии выделяется системой своих средств выражения и поэтому может быть названа стилем. Формы же бытового общения, как было сказано выше, такой системой не обладают и поэтому не должны рассматриваться как стили речи.

Следует, однако, отметить, что устная речь еще почти не подвергалась научному анализу; даже характерные ее черты — лексические и синтаксические — часто рассматривались как нарушения или отклонения от языковых норм⁶. Однако «...трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого»⁷. Поэтому возможно, что при более тщательном

⁶ См. об этом в статье В. В. Виноградова «Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения» («Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 29).

⁷ Л. В. Щербачева, Опыт общей теории лексикографии, «Известия АН СССР Отд-ние лит-ры и языка», М., 1940, № 3, стр. 101.

анализе различных форм устного общения здесь будут обнаружены свои стили, характеризующиеся определенной системностью средств языкового выражения.

Осознанность системы средств выражения в определенных целях общения представляется нам самым существенным моментом при выделении речевых стилей национального языка. Стиль языка — это именно «...целесообразно организованная система средств выражения...»⁸ (разрядка моя. — И. Г.). Поэтому естественно, что при характеристике стиля языка нельзя ограничиваться простым перечнем языковых средств. Необходимо определить, в каких взаимоотношениях эти средства находятся друг с другом, как они относятся к живым нормам общелитературного языка в целом.

В современном английском языке довольно четко вычленяются из письменной литературной формы общенародного языка стили научной речи, деловых документов, ораторской речи, газетной информации, поэтический стиль и др. Все они определяются целями коммуникации и характеризуются системой взаимообусловленных языковых средств. Так, например, для стиля научной речи, задачу которого, в самых общих чертах, можно определить как доказательство тех или иных положений, характерно преобладание слов в их прямых, предметно-логических значениях, как наиболее полно и точно определяющих предмет или явление объективной действительности; отсюда — терминологический характер словаря и фразеологии. Необходимость точно обозначить явление вызывает потребность в дополнительных определительных словах и словосочетаниях. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на синтаксическую структуру предложений, в которых появляется значительное количество атрибутивных словосочетаний типа *final-determinative compounds*; *n-forms*; *words in -ment*; *measurable quantity* («сложные слова, в которых последний элемент является определением»; «n-формы»; «слова на -ment»; «количество, которое можно измерить») и др.

Потребность в максимально точном обозначении проявляется и в создании терминологических новообразований. В английском языке для этого часто используются латинские и греческие корневые морфемы, удобные в силу своей однозначности, а также непродуктивные суффиксы современного английского языка (ср. *reactance* — *reaction* и др.)⁹. Другие особенности словаря и синтаксиса стиля научной речи оказываются тесно связанными с названными выше и обусловлены основной задачей этого стиля; таковы отсутствие или чрезвычайно ограниченное использование образных средств языка, разветвленная и упорядоченная система связей между отдельными частями высказывания, частое употребление причастных, инфинитивных и герундиальных оборотов и др.

Выделяется в современном английском языке и стиль деловых и официальных документов, выработанный в условиях, специфических для развития английского литературного языка, и связанный с конкретной историей и практикой английской юриспруденции. Задача этого стиля — достижение договоренности об условиях взаимных отношений, прав, обязанностей в пр. — определяет собою наличие своеобразной системы взаимообусловленных средств выражения. Наличие архаических слов и конструкций, условные формулы обращений и концовок, длинные периоды,

⁸ В. В. Виноградов, О задачах истории русского литературного языка, преимущественно XVII—XIX вв., «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», М., 1946, вып. 3, стр. 225.

⁹ Об аналогичных явлениях во французском языке см. в статье М. С. Гурьевой «О закономерностях в словообразовании романских языков» («Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 70).

пумерация вместо связующих элементов языка, условные сокращения, специфическая фразеология и терминология — вот примерный перечень языковых средств, в своей совокупности характеризующих стиль английских официальных документов.

В литературном языке выделяется особо стиль поэтический (в широком смысле этого слова) с его разновидностями: художественной прозой и поэзией. «В художественной литературе, — пишет акад. В. В. Виноградов, — общенародный, национальный язык со всем своим грамматическим своеобразием, со всем богатством и разнообразием своего словарного состава используется как средство и как форма художественного творчества. Иначе говоря, все элементы, все качества и особенности общенародного языка, в том числе его грамматический строй, его словарь, система его значений, его семантика, служат здесь средством художественного, обобщенного воспроизведения и освещения общественной действительности»¹⁰.

Особенность и своеобразие этого стиля речи, следовательно, заключается не столько в отборе тех или иных средств языка, сколько в использовании этих средств в целях «художественного, обобщенного воспроизведения и освещения» жизни и деятельности общества. В отличие от буржуазной науки, рассматривающей стиль художественной литературы как проявление творческой личности, которой мешает общенародный язык¹¹, советская наука изучает язык художественной литературы как индивидуальное использование общенародного языка. При этом необходимо разграничить, с одной стороны, понятие поэтического стиля вообще и, с другой стороны, понятие индивидуально-художественного стиля писателя как частного проявления закономерностей поэтического стиля.

Индивидуально-художественный стиль противопоставляется функциональным стилям языка по разным направлениям. Представляя собой, как и функциональные стили, определенную систему средств выражения, он не может, по самому содержанию понятия, быть системой, нормализованной общественным коллективом. Система индивидуально-художественного стиля характеризуется своим индивидуальным своеобразием отбора, организации и творческой обработки языковых средств.

С точки зрения проявления индивидуального в использовании языковых средств речевые стили литературного языка допускают значительную амплитуду колебаний. Такие стили речи, как, например, стиль официальных документов, стоят на грани почти безличного творчества. Индивидуальная манера выражения здесь почти полностью отсутствует. Действительно, можно ли усмотреть какую-нибудь индивидуальную особенность в приказах, деловых письмах, уставах и др.? Проявление индивидуального в таких стилях речи обычно рассматривается как нарушение установленных норм данного литературного стиля речи. То же можно сказать и о разновидности газетного стиля — газетных сообщениях, которые тоже проявляют своего рода безразличие к личности пишущего. Несколько иначе обстоит дело с другой разновидностью газетного стиля — газетными статьями, хотя и здесь проявление индивидуального в значительной степени ограничено общими закономерностями газетного стиля.

В стиле научном проявление индивидуального становится вполне допустимым. Но показательно, что в отношении этого стиля можно говорить о проявлении индивидуального лишь как о чем-то допустимом, а не как

¹⁰ В. Виноградов, Некоторые вопросы советского литературоведения, «Лит. газета» 19 V 51.

¹¹ Ср., например, следующее определение художественного стиля у Вандриеса: «Художественный стиль» — это всегда реакция против общего языка; в известной мере — это арг, литературный арг, который может иметь различные разновидности...» (Ж. Вандриес, Язык, М., Соцэкгиз, 1937, стр. 251—252).

об органическом качестве стиля. И все же стиль научной речи значительно дальше отстоит от того «безличного творчества», которое характеризует некоторые другие речевые стили (см. выше).

Стиль ораторской речи стоит как бы на грани между общенародными речевыми стилями и стилем индивидуально-художественным. Своеобразное взаимодействие, с одной стороны, норм этого стиля, обусловленных целями общения, и, с другой стороны, индивидуально-художественной творческой манеры оратора создает предпосылки для значительного разнообразия в отборе и использовании языковых средств. И тем не менее это разнообразие ограничено общими нормами ораторского стиля, которые выработаны в данном национальном литературном языке в данный исторический период его развития. Так, например, для ораторского стиля английского литературного языка XIX в. типично построение предложений в параллельных конструкциях по принципу нарастания, обилие риторических вопросов, синонимические повторы и др. Такое нагромождение стилистических приемов, хотя и могло идти в ущерб доказательной силе аргументации, считалось, однако, необходимым условием стиля. И лучшие образцы ораторской речи Англии XIX в. часто скованы этими общепринятыми канонами ораторской речи. Но само обилие и разнообразие допускаемых этим стилем средств эмоционального воздействия создает условия для индивидуального творчества в рамках данного речевого стиля.

Проявление индивидуального в стиле поэтическом (в широком смысле этого слова) является едва ли не основным требованием этого стиля. Возникает вопрос: не разрушается ли этим требованием единство поэтического стиля именно как стиля, в том понимании, которое изложено в настоящей статье? Нам представляется, что такой стиль с его разнообразиями (стихотворная речь, художественная проза, драматургия и пр.) выделяется как самостоятельный стиль литературного языка. Объединяющим фактором здесь является то, что «художественная литература воздвигается на базе общенародного языка посредством его образно-эстетической трансформации» (разрядка моя. — И. Г.)¹². Следовательно, то, что в других стилях речи появляется эпизодически и нерегулярно — образная интерпретация фактов и явлений окружающей жизни — в поэтическом стиле становится его основным и определяющим признаком.

*

Говоря о речевых стилях общенародного языка, приходится оперировать такими терминами, как «стилистические средства языка», «выразительные средства языка». Точное определение этих понятий представляется существенно необходимым, так как само разграничение стилей речи основано на отборе и взаимодействии выразительных и стилистических средств языка.

С позиций нормативной грамматики выразительные (или стилистические) средства языка понимаются очень широко: в разряд выразительных средств языка зачисляется всякое отклонение от традиционных схем письменной речи, лишенной эмоциональной характеристики; как выразительные средства рассматриваются разнообразные эллиптические обороты, инверсии, повторы, обособленные обороты и т. д. К выразительным средствам относится часто и использование разговорной лексики.

Прежде всего, надо иметь в виду, что никакой резкой грани между эмоциональной речью в широком смысле этого слова и речью неэмоциональ-

¹² В. Виноградов, Некоторые вопросы советского литературоведения.

ной, или, как ее часто называют, речью логической, провести невозможно. Логическая речь может иметь эмоциональную окраску, эмоциональная речь может быть строго логически построенной.

Известно, что нормативные грамматики до настоящего времени мало занимались так называемым экспрессивным синтаксисом. Почти любое средство логического выделения отдельных частей высказывания обычно рассматривается как стилистическое средство. С другой стороны, многие морфологические и синтаксические правила логического и эмоционально окрашенного оформления предложения вообще не изучаются в грамматиках. Так, например, в английских грамматиках не делается никакого различия между следующими двумя видами инверсии: *Never have I seen such a film* «Никогда не видел я такого фильма» и *Talent mr. Micawber has, capital mr. Micawber has not* «Талант у м-ра Микобера есть, денег у м-ра Микобера нет». И первый и второй вид инверсии служат целям эмпазы. Однако между ними есть существенная разница. Первый вид инверсии грамматически нормализован, иными словами, такой тип построения, при необходимости выделения определенной группы наречий, является грамматической нормой языка. Совсем иной характер имеет инверсия в предложении типа *Talent mr. Micawber has, capital mr. Micawber has not*. Здесь постановка дополнения на первое место не влечет за собой инвертированного порядка подлежащего и сказуемого. Первый тип инверсии является выразительным средством английского языка, грамматически законченным как средство логического выделения определенной части предложения. Второй тип инверсии — стилистический прием — не может быть подведен под определенное правило построения предложений.

Возьмем два других предложения: *The second World Youth Festival took place in Budapest* «Второй международный фестиваль молодежи состоялся в Будапеште» и *It was in Budapest that the second World Youth Festival took place* «В Будапеште [а не в другом городе] состоялся Второй международный фестиваль молодежи». Эти два предложения можно рассматривать как своего рода синтаксические синонимы. Первое предложение в сопоставлении со вторым не несет в себе эмпазы; синтаксическая структура его характеризуется своего рода нейтральностью. Второе предложение использует средства, предусмотренные правилами английского синтаксиса для эмпатического выделения обстоятельственного оборота; такая эмпаза может быть названа логической: для выделения какого-либо члена предложения в логическом плане в английском языке необходимо использование оборота *it is... that*.

Однако область экспрессивного синтаксиса в английской грамматике еще недостаточно исследована. Еще менее разработана область синтаксиса эмоциональной речи. И можно сказать без преувеличения, что стилистический синтаксис совсем не исследован.

Чем же отличается стилистическое средство (или, что то же самое, стилистический прием) от выразительных средств, находящихся в литературном языке? Стилистический прием есть обобщение, типизация, сгущение объективно существующих в языке фактов, средств для выражения мысли. Это есть не простое воспроизведение этих фактов, а творческая их переработка. Это творческое использование реальных возможностей языкового выражения может принимать иногда причудливые формы, граничащие с парадоксальностью употребления, с гротеском. Любое выразительное средство языка может быть использовано как стилистический прием, если оно типизировано и обобщено для определенных целей художественного воздействия. Теория художественной речи, если можно так назвать один из разделов стилистики языка, уже отобрала ряд таких приемов, наиболее часто встречающихся в языке художественной литера-

туры, и выявила определенные закономерности в характере их употребления.

Возьмем для примера один из стилистических приемов, получивших, начиная с XIX в., широкое распространение в художественной литературе — прием несобственно-прямой речи. Как и всякий другой стилистический прием художественного изображения, несобственно-прямая речь есть обобщение объективных фактов языка. Это — результат литературно-языковой обработки явления, известного под названием внутренней речи, которая имеет свои специфические особенности. Своеобразие внутренней речи определяется прежде всего тем, что она не имеет функции коммуникации: здесь реализуется только одна функция языка — функция выражения мысли, причем реализация эта имеет свои особенности.

Несобственно-прямая речь как форма литературной обработки наиболее типических черт внутренней речи качественно ее изменяет. Прежде всего, несобственно-прямая речь выполняет функцию коммуникации; это обстоятельство существенно трансформирует внутреннюю речь. Несобственно-прямая речь получает своеобразное синтаксическое, морфологическое и лексическое оформление; однако это оформление не превращает ее ни в прямую речь героя, ни в косвенную речь автора. Характер литературной обработки внутренней речи в английском языке таков, что благодаря особой системе сочетаний языковых средств достигается парадоксальный эффект слияния речи автора и героя.

Возьмем для примера следующий отрывок:

Annette! Ah! but between him and Annette was the need for that wretched divorce suit! And how?

«A man can always work these things, if he'll take it on himself» Jolyon had said.

But why should he take the scandal on himself with his whole career as a pillar of the law at stake? It was not fair! It was quixotic! (Galsworthy)

«Аннет! Да, но между ним и Аннет — неизбежность этого проклятого бракоразводного процесса. И как это все устроить?»

„Мужчина всегда может этого добиться, если возьмет вину на себя“, — сказал Джолион.

Но зачем ему брать на себя весь этот позор и рисковать всей своей карьерой незыблемого столпа закона? Это несправедливо! Это донкихотство!»

Этот отрывок грамматически оформляется по правилам построения косвенной речи: местоимения — в третьем лице, глаголы — в формах прошедшего времени. С другой стороны, синтаксико-стилистическое оформление этого отрывка характерно для прямой речи: обилие присоединительных конструкций, наличие восклицательных предложений и междометий, инвертированный порядок слов в вопросительных предложениях, эллиптические обороты, умолчания и пр. Такая контаминация форм поддерживается своеобразным использованием лексико-фразеологических средств; некоторые из них выбраны с целью создать впечатление речи самого героя; другие характерны для речи автора¹³.

Среди выразительных средств художественной речи часто упоминают всякого рода эллиптические обороты, без учета того, где, в каких усло-

¹³ Творческое использование несобственно-прямой речи характеризуется большим разнообразием. В статье Н. Ю. Шведовой «К вопросу об общепринятом и индивидуальном в языке писателя» («Вопросы языкознания», 1952, № 2, стр. 104—125), хотя и спорной в ряде положений, дан интересный анализ своеобразия индивидуального применения этого стилистического приема.

виях и для каких целей они используются. Однако эллиптические обороты — вполне узаконенная норма устной разговорной речи. Предложения типа *Where to?* «Куда?» как вопрос, заданный собеседнику после сообщения последнего — *I'm leaving tomorrow* «Я уезжаю завтра», представляя собой эллиптические обороты, не являются в то же время особыми выразительными средствами языка, поскольку они не несут никакой стилистической функции. Здесь нет и типизации явления в целях использования его для каких-то стилистических заданий. Другое дело, например, эллиптический оборот, использованный Т. Драйзером в авторской речи, в которой дается оценка выступления судьи — одного из персонажей «Американской трагедии». Вот это предложение: *So Justice Oberwalter — solemnly and didactically from his high seat to the jury.*

Здесь эллиптический оборот несет явную стилистическую функцию: автор выступает в роли свидетеля циничной и наглой по своей форме речи главного судьи и, как бы не в силах сдержать своего возмущения, не заботится о логической оформленности высказывания¹⁴. Следовательно, не всякий пропуск сказуемого, не всякий эллиптический оборот сам по себе является выразительным средством языка.

Возьмем для анализа еще один стилистический прием — прием повтора. Известно, что возбужденная, экспрессивно окрашенная речь характеризуется не только фрагментарностью, некоторой алогичностью построений, но и повторением отдельных частей высказывания. Такое повторение слов и целых сочетаний в эмоционально-возбужденной речи является своеобразной закономерностью языка и не несет какой-либо особой стилистической функции. Ср., например, в речи Наташи Ростовской: «Я уверена, я уверена! — почти вскрикнула Наташа, страстным движением взяв его за обе руки» (Л. Толстой, *Война и мир*). Или в речи Долли: «Уйдите, уйдите, уйдите! — не глядя на него вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью» (Л. Толстой, *Анна Каренина*).

Эмоциональная экспрессивность повторения слов здесь основана на соответствующем интонационном оформлении высказывания и выражает определенное психическое состояние говорящего. Характерно, что в авторской речи дается указание на такое состояние («...страстным движением»; «...как будто крик этот был вызван физической болью»). Совершенно другую функцию приобретает повторение слов в стихотворении Лермонтова «Кинжал»: «Да, я не изменюсь и буду тверд душой, Как ты, как ты, мой друг железный». Здесь повтор слов использован как стилистический прием, рассчитанный на то, чтобы вызвать нужную эмоциональную реакцию. Если в эмоционально-возбужденной речи повторение слов выражает определенное психическое состояние говорящего и не рассчитано на какой-либо эффект, то повторение слов в авторской речи не является следствием такого психического состояния и представляет собою определенный стилистический прием¹⁵.

Стилистические функции повторов (как и других стилистических средств) могут быть вскрыты лишь при конкретном анализе соотношения самого приема и содержания речи. Так, например, в стихотворении Т. Гуда

¹⁴ В печатном переводе это стилистическое использование эллипсиса не передано: «Так торжественно и поучительно судья Оберуолтер напутствовал присяжных с высоты своего судейского кресла» (Т. Драйзер, Собр. соч., т. VIII, М., ГИХЛ, 1950, стр. 372).

¹⁵ Не случайно, что повторы как стилистическое средство в пособиях по теории словесности классифицируются по своим композиционным характеристикам: они делятся на анафору, эпифору, подхват, обрамление и др. Сама попытка классификации повторов по их архитектурным признакам свидетельствует о том, что это есть явление литературно обработанное.

«Песнь о рубашке» посредством повтора передается однообразие, монотонность изнурительной работы швеи:

Work — work — work!

Till the brain begins to swim!

Work — work — work!

Till the eyes are heavy and dim!

Seam, and gusset, and band,

Band and gusset, and seam,—

Till over the buttons I fall asleep,

And sew them on in a dream!

«Работай! Работай! Работай!

Пока не сожмет головы как в тисках!

Работай! Работай! Работай!

Пока не померкнет в глазах!

Строчку — ластовку — ворот —

Ворот — ластовку — строчку...

Повалит ли сон над шитьем — и во сне

Строчишь все да рубишь сорочку».

(Перевод М. Михайлова)

Интересно отметить, что стилистический повтор в этом стихотворении несет в себе, кроме эмоциональной функции, еще и смысловую нагрузку: мысль об изнурительном, однообразном и непрерывном труде во второй, четвертой, седьмой и восьмой строках выражена не конкретными значениями слов, а образными средствами языка.

Использование повтора в качестве литературного стилистического приема нужно отличать от повторов, которые служат одним из средств стилизации. Так, известно, что устная народная поэзия широко пользуется повторением слов в разнообразных целях: замедления повествования, придания песенного характера сказу и др. Именно такие повторы часто являются приемом стилизации. Однако в этом случае литературная обработка народной речи качественно отлична от стилистического приема, применяемого в художественной литературе и носящего название повтора: стилизация есть непосредственное воспроизведение фактов народного творчества; стилистический прием только опосредствованно связан с наиболее характерными чертами разговорной речи или с формами устного творчества¹⁶.

В английской поэзии можно проследить приемы литературной обработки фольклорно-песенных повторений. Ср. в стихотворении Р. Бернса:

My heart's in the Highlands, my heart is not here,

My heart's in the Highlands aching the deer,

Chasing the wild deer and following the roe.

My heart's in the Highlands wherever I go.

«В горах мое сердце.. Доныне я там.

По следу оленя лечу по скалам.

Гоню я оленя, пугаю козу.

В горах мое сердце, а сам я внизу».

(Перевод С. Маршана)

Примером использования повтора для создания образного, зрительно осязаемого представления может служить следующее место из «Записок Пикквикского клуба» Диккенса:

¹⁶ Интересно, что А. А. Потебня усматривает использование фольклорных традиций в повторении слов и словосочетаний в «Мертвых душах» Гоголя. «Как в народном эпосе, — пишет Потебня, — вместо ссылок и указаний на вышеизложенное — буквальное повторение его (что образнее и поэтичнее); так Гоголь — в пределах периода, когда речь становится более одушевленной (затем, как манера)...» (А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, 1905, стр. 352). Здесь обращает на себя внимание противопоставление «одушевленной речи» и «манеры». Под одушевленной речью, очевидно, надо понимать эмоциональную функцию этого языкового средства; под манерой — индивидуальное использование повтора как стилистического приема.

Goswell Street was at his feet, Goswell Street was on his right hand — as far as the eye could reach, Goswell Street extended on his left; and the opposite side of Goswell Street was over the way.

«Улица Госуел была у его ног, улица Госуел тянулась направо — на далекое расстояние, улица Госуел простиралась налево от него, и на другой стороне была та же улица Госуел».

Размер данной статьи не позволяет дать хотя бы беглый обзор других стилистических приемов. Однако и приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод о необходимости более глубокого лингвистического исследования стилистических приемов художественной изобразительности. Отсюда, однако, не следует, что выразительные средства языка не являются предметом изучения стилистики. Если стилистические приемы (средства) изучаются только стилистикой, то выразительные средства как такие факты языка, которые несут в себе особые оттенки значений логического или эмоционального характера, изучаются не только стилистикой, но и другими разделами языкознания — лексикологией, грамматикой, фонетикой. Задачи изучения выразительных средств языка у этих наук разные, предмет — один.

Подводя итоги сказанному, можно определить предмет и задачи стилистики следующим образом: стилистика — это наука о способах и путях использования выразительных средств языка и стилистических приемов в различных стилях литературного языка; о типах речи и речевых стилях данного литературного языка; о соотношенности средств выражения и выражаемого содержания.

Проблема стилистических приемов, возникающих на базе выразительных средств языка, и проблема речевых стилей оказываются тесно переплетенными, так как «... чтобы распознать и выделить в литературном языке той или иной эпохи общественно-осознанные его стили, необходимо отчетливо представлять всю совокупность систем разных средств литературно-языкового выражения, характерных для этого времени»¹⁷.

Большое значение для правильного понимания природы стилистических средств языка имеет определение типического, данное Г. М. Маленковым в отчетном докладе XIX съезду партии: «...типично не только то, что наиболее часто встречается, но то, что с наибольшей полнотой и заостренностью выражает сущность данной социальной силы. В марксистско-ленинском понимании типическое отнюдь не означает какое-то статистическое среднее. Типичность соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным. Сознательное преувеличение, заострение образа не исключает типичности, а полнее раскрывает и подчеркивает ее»¹⁸. В данной статье была сделана попытка показать, что стилистические приемы (средства), обобщая и заостряя типические явления языка, не исключают этой типичности, а полнее раскрывают и подчеркивают ее. Изучение речевых форм выражения типического — важная задача, стоящая перед исследователями языка художественной литературы.

¹⁷ В. В. Виноградов, Содержание и задачи курсов по языковедческим дисциплинам в свете работ И. В. Сталина по языкознанию, сб. «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., Изд-во Моск. ун-та, 1950, стр. 222.

¹⁸ Г. Маленков, Отчетный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 73.